

А. В. Кузьмин

КРЕЩЕННЫЕ ТАТАРЫ НА СЛУЖБЕ В МОСКВЕ: К ИСТОРИИ ТЕЛЕБУГИНЫХ И МЯЧКОВЫХ В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

Различные конфликты в Джучиевом улусе (Золотой Орде), проходившие при жизни или после смерти таких правителей, как Берке, темник (в ряде восточных источников – «султан») Ногай, Тохта, Узбек, Бердибек, Тохтамыш и др., почти всегда ставили часть местной кочевой аристократии и ее окружение во второй половине XIII – начале XV в. на положение политических, а позднее и религиозных оппонентов власти. Лица, не желавшие разделить волю своего хана, как правило, могли быть уничтожены вместе со своими семьями. Реальных мест для бегства или эмиграции существовало немного. В XIII в. при благоприятных обстоятельствах можно было уехать из Дешт-и-Кыпчак в далекую, но родную Монголию, Мавераннахр или перейти на службу в Иран к Хулагуидам¹. Последний вариант со второй половины XIII в., конечно, расценивался как предательство², но обеспечивал безбедное существование. В XIV в. выбор мест расширился. Окрепшие русские княжества, Болгария, Великое княжество Литовское (Далее – ВКЛ) и Молдавское княжество также стали привлекательны. В XV в. после распада Орды на ряд самостоятельных государств этот процесс только усилился³.

В Москву, Тверь, Суздаль или Рязань ордынцы приезжали не только из-за преследования, но и ради службы и денег. Многие оставались здесь вместе со своей семьей и слугами, постепенно пополняя ряды служилой аристократии Северо-Восточной Руси. Для сравнения отметим, что, по наблюдениям А. Л. Хорошкевич: «Социальное положение знатных крымских и ордынских выходцев в Великом княжестве Литовском в целом было аналогичным тому, которое они занимали в княжестве всея Руси»⁴. В ВКЛ после разгрома на р. Ворскла в 1399 г. осталась на службе половина орды хана Тохтамыша. Как отмечает исследовательница, «все выходцы <...> получали

¹ Данный процесс был взаимным. Так, например, между 1260–1262 г. из Ирана от Хулагу через Дербент к хану Ак Орды Берке бежали семьи умерших царевичей Тутара, Балакана и Кули (Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды: Ногай и его время. Пг., 1922. С. 12, 19). В 1286 г. в Иране у Аргуна остался видный монгольский аристократ Пулад, прибывший к ильхану послом из Китая (Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII: Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971. С. 292).

² Как отмечают исследователи: «Вражда между наследниками Бату и хулагуидским Ираном, разгоревшаяся при хане Берке, превратилась в затяжную войну, в результате которой золотоордынские войска на короткое время захватывали Азербайджан и опустошали отдельные районы Грузии. Однако в конечном итоге они так и не сумели в XIII в. удержать за собой эти области» (Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 47).

³ Трепавлов В. В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос Средневековья: Сборник статей / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1995. С. 128; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. Глава 5.

⁴ Хорошевич А. Л. От союза к противостоянию.

земли, и их положение приближалось к боярскому: они должны были нести военную службу»⁵. Произошедшее событие не было нонсенсом для Литвы конца XIV в. Именно в это время, как отмечает И. П. Старостина, «литовские князья последовательно осуществляли массовую раздачу феодалам государственных земель, ранее находившихся в их непосредственном подчинении»⁶.

Впервые источники подробно освещают процесс перехода группы знатных ордынцев на службу в Москву довольно поздно — в начале 90-х г. XIV в. Тогда, после победы эмира Тимура «изъ Шамахейския земли» над войсками хана Орды Тохтамыша, приближенные последнего: Бахты-Хозя, Кидырь-Хозя и Мамат-Хозя в 1392 г. (датировка Московского летописного свода конца XV в.) — «били челомъ великому князю въ службу». Источник отмечает, что ранее они были «двора царева постелники». Заинтересованность ордынцев в службе у Василия Дмитриевича была весьма велика. Они сразу же «хотя христьяньския вера». Поэтому татар из ханского окружения привели к митрополиту. Киприан «крести ихъ и нарече имъ имена въ святом крещении: Анания, Азария, Мисаиль»⁷. Эту церемонию наблюдал «самъ князь великы и вси князи и бояря их и весь народ града Москвы»⁸. Став православными, Бахты-Хозя, Кидырь-Хозя и Мамат-Хозя полностью порывали с той мусульманской средой, из которой они пришли на Русь. Данная запись события не характеризуется автором летописной статьи как сенсация. Это косвенно свидетельствует в пользу того, что для летописца, как, впрочем, и для его современников, выезд ордынцев на службу в Москву, хотя и был событием знаменательным, но уже не представлялся чем-то необычным. Поэтому основное внимание в повествовании уделено торжественному обряду крещения татар, а не факту их бегства из неспокойной в то время Дешт-и-Кыпчак.

Несомненно, этот процесс опирался на какую-то предшествующую традицию⁹. Выезды татар на службу из Орды беспокоили Чингизидов. Они всячески пытались этому помешать. Так, например, известно, что в Москве в 1403/4 г. ханский посол царевич Ентяк «изобъмолвил Микулу Татарина»¹⁰.

Очередная «замятня» в конце XIV — первой трети XV в. в Орде побудила к подчинению (князя Мещерские¹¹) или отъездам в Литву и на Русь уже не только представителей титулованной аристократии (князя Менские и Долгодовы), но и самих Джучидов. Так, например, в 1407—1408 г. в Москве находились сыновья Тохтамыша царевичи Джелаль-Еддин и Керим-Берды. Хан Улуг-Мухаммед зимовал в 1437—1438 г. в Белеве, а в 1439 и 1445 г. находился в Нижнем Новгороде. Еще до злополучного сражения 7 июля 1445 г. сын Худайдата царевич Бердедат был принят на службу Василием II. Согласно распространенной практике такие политические эмигранты

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Старостина И. П. Судебный иммунитет в законах Казимира 1468 года // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 262.

⁷ ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994. С. 132. Л. 231 об., под 6897 г.

⁸ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 221. Л. 308 об., под 6901 г. (сентябрьский стиль?). См. также: ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994. С. 132. Л. 231 об., под 6897 г. Т. XI. СПб, 1897. С. 125, под 6899 г. По родословцам известно, что от старшего внука Азария Вавилы Гавриловича Тевяша выводили свой род дворяне Тевяшевы, а от младшего — Лаврентия Гавриловича Фуста — Фустовы (Савелов Л. М. Воронежское дворянство. Вып. 1. М., 1895. С. 9).

⁹ В целом в современной историографии уже не ставится под сомнение, что выезды ордынцев на русскую службу начались именно с XIV в. (См. например: Арапов Д. Ю. Мусульмане-Чингисиды и Российское государство // Восточная Европа в древности и Средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто: Материалы конференции / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2001. С. 8). В. В. Трепавлов приводит другую дату — вторую половину XIV в., однако в данном случае исследователь более предметно рассматривает судьбу только Чингизидов (Трепавлов В. В. Тюркская знать в средневековой России. С. 128).

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 232. Л. 324 об.; см. также: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 456.; ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 152. Л. 429, под 6911 г. (известие стоит между сообщениями за 9 июня и 8 октября).

¹¹ Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II: 1508—1521 гг. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана. СПб., 1895. № 2. С. 51, № 21. С. 377—378; Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 3—4.

предлагали великим князьям в заложники не только своих сыновей и родственников, но и князей и «двор». Служба при дворе правителя Руси также являлась одним из условий договора¹². Бывшие цари и царевичи обязались охранять южные границы Великого княжения, отказываясь здесь от права сбора «выхода» до тех пор, пока не возвратят себе власть в Орде¹³.

Постепенно, опираясь на поддержку великих князей московских Василия I и Василия II, с окраин Руси служилые татары в массе стали проникать и вовнутрь страны. Так, например, в 1446 г. вместе с великим князем московским на Русь выезжают на службу и кормления, а также сбора дани (выкупа за освобождение из плена Василия II) 500 ордынцев хана Улуг-Мухаммеда¹⁴. Поэтому неслучайно, что князья Дмитрий Юрьевич Галицкий, Иван Андреевич Можайский и Борис Александрович Тверской сообщают выдвигают против великого князя московского следующие обвинения: «Почто еси Тотарь привель на Рускую землю, и города даль еси имъ и волости в кормленье? А Тотарь любишь и речь ихъ любишь паче меры, а хрестьянъ томишь безъ милости, а злато и сребро Тотарамъ даешь, и именье великое»¹⁵.

Среди таких выходцев из Орды, новых любимцев Василия II, акты середины — второй половины XV в. упоминают Евстафия Аракчеева, «казначая великого князя». Так, на обороте купчей старца Макария Липятина из Троице-Сергиева монастыря на деревню Оглоблинскую в Верхнем Березовце Костромского уезда, купленную им у И. П. Захарьина, рукой писца было отмечено: «Яз, Остафеи, дьяк, на сию грамоту послух». Однако свою подпись этот свидетель сделки поставил сам по-татарски, хотя уже и с русским(!) окончанием: «Уракчиев»¹⁶. Таким образом, ко времени начала создания первых родословных росписей и «памятей», а позднее — книг и сборников — потомки прежних ордынцев уже прочно занимали свою социальную нишу и становились субъектом русского права.

Первые воспоминания о выездах татар на службу в Москву наиболее выразительно запечатлены в родословных легендах, составленных в середине XVI—XVII в. реальными и мнимыми потомками прежних ордынцев. В России они признавались достоверными, хотя и не всегда вносились в официальные документы. Несомненно, что количество выходцев из Джучиева и соседних с ним улусов было значительно меньше того числа семей, которые считали татар за своих реальных предков¹⁷. Однако не все потомки ордынцев успели подать в XVII в. в Разрядный приказ или Палату родословных дел свои документы. Это происходило по разным причинам.

Во-первых, на Руси довольно длительное время не была распространена традиция создания семейных архивов. Различные документы, оказавшиеся в частных руках, как правило, хранились весьма неудачно. Первые местнические памяти конца XV в. еще знают случаи предоставления представителями ряда боярских фамилий документов, свидетельствовавших о высоких служебных

¹² Так, например, по данным Казанского летописца у зимовавшего в Белеве в 1437–1438 гг. хана Улуг-Мухаммеда был отряд в три тысячи человек (ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 18. Л. 11).

¹³ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 24. Распространение практики принятия ордынских царевичей на службу в Москву А. А. Горский относит именно ко времени княжения Василия II (Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 149–150). Правда, отказ от выхода не стал повсеместным явлением. Об этом свидетельствуют особые отношения между великими князьями московскими и татарскими правителями Касимовского и Мещерского княжеств (Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 27–29; Трепавлов В. В. Тюркская знать в средневековой России. С. 128–129).

¹⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 27.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 189.

¹⁶ АСЭИ. № 266. С. 193; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 170. По наблюдениям А. Л. Хорошкевич, источники последней четверти XV — начала XVI в. фиксируют, что «на Руси крымские выходцы занимали положение в соответствии со своим положением на родине» (Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. С. 297). Указанный ранее акт показывает, что татары из Большой Орды достигли этого уже к середине XV в.

¹⁷ Согласно наблюдениям М. Е. Бычковой, наряду с Пруссией и Литвой, Орда была одной из самых распространенных стран, упоминаемых в родословцах (Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 19; Она же. Географические знания в России XVI—XVII веков (По данным родословных документов) // Исследования по истории России XVI—XVIII вв.: Сборник статей в честь 70-летия Я. Е. Водарского / Отв. ред. Э. Г. Истомина. М., 2000. С. 20).

назначениях своих отцов и дедов. Впрочем, пройдет всего 100–150 лет, и их наследники не только не имеют на руках, но уже и не знают о существовании подобных грамот. Правда, какие-то отдельные документы уже стали последовательно откладываться в бумагах дворянских семей XVI в. Однако массовое распространение эта традиция получит только в первой четверти XVII в.

Во-вторых, неактуальность в хранении документов могла быть связана с пресечением рода, либо его захудалостью, которая наступила в результате дробления отцовских владений, выбывания из круга слуг двора великого князя (а позднее и русского царя) и службой в провинциальных корпорациях городских детей боярских, либо просто с банальной утратой «родовой росписи» и прочих документов в результате пожаров, войны или небрежного хранения. Последнее, как явствуют тексты дворянских челобитных, стало весьма распространенным объяснением именно после событий Смуты, хотя первые значительные лакуны в делопроизводстве уездных и центральных учреждений Русского государства обнаружались уже после пожара 1547 г. («боярина-дей, который судил, нет, а диаки померли, а дела-де старые все погорели»¹⁸). Иногда утраченные росписи удавалось восстановить благодаря другим источникам и устной памяти. Впрочем, последняя далеко не всегда служила исправно и даже, воплотившись на бумаге, была способна запутать своими сведениями практически любого исследователя. Отмечая эту опасность, известный отечественный генеалог Л. М. Савелов даже был вынужден заметить: «Начало многих родов теряется в глубокой старине, и искать каких-нибудь сведений о таких отдаленных временах положительно невозможно. Доказать выезд кого-либо из родоначальников наших древних родов невозможно, но и доказать противное также невозможно, почему что бы говорил исследователь против выездов, его противники всегда могут сказать: а все-таки род выезжий»¹⁹.

Правда, такой скепсис все-таки не всегда оказывается оправданным. Так, с представителями одной из ветвей князей Кропоткиных в конце XVII в. «произошел казус: сначала они указали в своей росписи родоначальником — выходца из Золотой Орды. Но бдительные дьяки, опираясь на родословцы XVI в., где Кропоткины уже были записаны, исправили князей, сказав, что они — смоленские Рюриковичи»²⁰. Возвысившиеся в XVI — первой четверти XVII в. до верхов столичного дворянства, коломенцы Хлоповы в первой половине XVII в. полагали, что их родоначальник «к великому князю Ивану Даниловичу Калите приехал из Тьмутарокани». Он был «сродичь Синие Орды ханом именем Козы-Гирей, а прозвища Хлопец. А во крещении имя ему Илья»²¹. Авторы данной легенды не смутил тот факт, что границы кочевий Кок (Синей) Орды — левого крыла улуса — проходили гораздо восточнее причерноморских степей, а территорией упоминаемой Тмутаракани владели ханы Ак (Белой) Орды — правого крыла улуса Джучи. «Забыли» они и то, что реальный родоначальник, действительно, живший в середине XIV в., носил отнюдь не татарское имя Казы-Гирей, а одно из самых распространенных имен на Руси — Иван. Это было зафиксировано одним из членов рода в синодике Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI в.²²

В отечественной науке огромную работу по анализу данных родословных легенд выезжих родов провел С. Б. Веселовский. Он попытался выяснить степень достоверности информации о выездах из Орды на службу в Москву в XIV в. предков ряда семей. Исследователь не сомневался

¹⁸ Цит. по: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 192.

¹⁹ Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте. М., 1908. С. 96.

²⁰ Бычкова М. Е. «Что значит именно родные». М., 2000. С. 64.

²¹ РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 173/278. Родословная книга 1664 г. князя А. И. Лобанова-Ростовского. Глава 58. Л. 333 об.

²² Слева на полях рукописи киноварью отмечен заголовок: «Род Феодора Хлопова». Сам источник упоминает следующие имена: «Иоанна, Иоанна, Феодосии, Симеона, Домникии, Аггии, Марии, Василиа, Анны, Матрены, Иоанна, Афанасиа, Назариа, Ирины, Анастасии, Петра, Феодора, Иоанна, Никиты, Иона, Аксинии, Евдокии, Григориа, Феодора, Игнатиа, Соломонида, Нионилы, Данила, Анны, Василиа, Иона, Иоанна» (Там же. № 539/1022. Л. 78 об.; Ср.: № 173/278. Л. 333 об., 338).

в точности сведений источников о предках Мячковых, Озаковых, Старковых, но ставил под сомнение факты, приведенные, например, в росписях Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых, Поливановых (потомков бояр Кочевиных). Свои выводы С. Б. Веселовский аргументированно подтвердил анализом топонимики и состава землевладения данных семей за XIV–XV в.²³ В том же ключе тщательной проверки сведений родословных документов и других источников вел свои исследования и А. А. Зимин²⁴. Недавно С. М. Каштанов обнаружил и опубликовал две купчие, одну жалованную и одну обельно-несудимую и заповедную грамоты, которые связаны с деятельностью в первой половине XV в. боярской семьи Старковых²⁵. Однако полного и всестороннего изучения крещенные татары и их потомки в XIV – первой половине XV в. пока не получили. Правда, такую попытку недавно предпринял А. Х. Халиков, но мне она не кажется убедительной, и вот почему.

Сложные и трудоемкие процедуры изучения источников, какими пользовались предыдущие исследователи, увы, были оставлены А. Х. Халиковым без внимания. Он пошел по пути наименьшего сопротивления. Конечно, можно поставить в заслугу желание казанского ученого попытку расширить число родов, имевших реальные ордынские корни. Однако методика его исследования вызывает возражения. По сути дела, А. Х. Халиков целенаправленно принимает на веру все разновременные родословные легенды, причем без критического анализа их сведений, не выясняя цели и места создания данного вида источников. Кроме того, татарскими или болгарскими по происхождению им признаются все фамилии, имеющие в своем названии тюркские корни. В их число вошли Чеглоковы (одна из ветвей старомосковского боярского рода Морозовых), потомки костромских землевладельцев Амины (известные на Руси с XIV в., а на службе в Швеции – с первой четверти XVII в.²⁶, превращенные А. Х. Халиковым в «булгар-беженцев» с берегов Волги в Скандинавию уже в первой половине XIII в.), Беклемишевы и Голенищевы-Кутузовы, Шереметевы и Огаревы. Под пером А. Х. Халикова ордынцами стали даже живший в XII в. легендарный Ратша и рожденный пером XVIII в. некий «Гланда Камбала», а также прямые потомки Владимира Всеволодовича Мономаха – князья Шаховские и дворяне Толбузины. К ним же были зачислены потомки московских тысяцких Аксаковы и Вельяминовы, коренные костромичи Адашевы и Годуновы и т. д.²⁷

Некритично воспринял сведения легенд об этническом происхождении ряда русских фамилий и В. В. Трепавлов. Исследователь, опираясь лишь на поздние редакции родословных росписей, зачислил в татары предков Годуновых, Лыковых, Нарышкиных, Ртищевых, Сабуровых и Языковых²⁸.

Поскольку современная историография не дает возможности найти ответы на такие важные вопросы, как время и причины появления бывших ордынцев на службе в Москве, то это и станет целью настоящего исследования.

Телебугины

Письменно подтвержденные примеры службы отдельных татар в Москве относятся ко времени правления великого князя Юрия Даниловича (1303–1325). Так, например, Новгородская

²³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

²⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

²⁵ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 4. С. 346; Он же. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 127–130. № 1–3.

²⁶ Линд Д. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни / Пер. с дат. Н. А. Охотиной-Линд. М., 2000. С. 30–53.

²⁷ Халиков А. Х. Монголы, Татары, Золотая Орда и Болгария. Казань, 1994. С. 56–57, 122, 125–126. Более подробно см.: Халиков А. Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения // Болгар-татар. чигышлы 500 рус фамилиясе. Казань, 1992. – 191 с.

²⁸ Трепавлов В. В. Тюркская знать в средневековой России. С. 130.

I летопись старшего извода, текст которой окончательно оформился не позднее середины XIV в.²⁹, под 1318 г. прямо отмечает: «Того же лета выиде **князь великий Юрьи** изъ Орды с Татары и со всею Низовьскою землею, и поиде ко Тферю на князя Михаила. И, **приславъ Телебугу** (выделено мной — А. К.), позва новгородци...»³⁰.

Упомянутый в цитируемом выше источнике татарин на данный момент является первым, о службе которого в Москве достоверно известно. Устная традиция о столь ранней службе бывших ордынцев ничего не знает. Обычно семьи, чей легендарный предок выехал на Русь, появление своего родоначальника в Москве относят к более позднему времени. В родословных документах XVI—XVII в. предок-ордынец чаще всего выезжает в то время, когда там правят великие князья Иван Калита или его внук Дмитрий Донской³¹. Лишь остатки дорогих предметов роскоши и посуды населения Джучиева улуса и ее восточных (Китай) и южных (Иран, Малая Азия) соседей, найденные археологами вблизи и на Боровицком холме, свидетельствуют о тесных политических и экономических контактах властной элиты Москвы и Орды уже в конце XIII — начале XIV в.³²

Причину выезда Телебуги в Москву необходимо искать в политике московских правителей. Прежде всего стоит обратить внимание на то обстоятельство, что упоминание данного человека на службе у Юрия Даниловича довольно близко отстоит от времени вступления этого князя в брак с представительницей дома хана Джучи. Напомним, что Юрий Московский в данный момент вел изнурительную борьбу против Михаила Ярославича Тверского. Его основным союзником и партнером на Руси был Новгород. Конкурент Юрия, будучи владимирским правителем, мог опираться на ресурсы самого Великого княжения и силы союзников из числа соседних или подвластных ему князей. Однако таких людей оказалось немного. Еще меньше их стало после того, как скончался поддерживавший Михаила хан Тохта.

В 1313 г. русский летописец лаконично отметил: «**Седе на царстве Озбякъ въ Орде**»³³. Иранский историк, продолжатель Джувейни, Шихаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазлаллах (по прозвищу Вассаф-и-хазрет, т. е. «панегирист его величества»), в традициях мусульманской историографии писал по этому поводу, что «сорочку жизни Токтая <...> изорвал шип предначертанной смерти, как лепестки розы (обрывает) дуновение утреннего ветра. Благочестивый царевич Узбек, сын Тоглука, сына Токтая, сына Менгу-Тимура, обладающий божественною верою и царским блеском, *лаптою права угнал мяч царства* (курсив мой — А. К.) и теперь знамя ханства поднимает до горнего неба как хоругвь ислама»³⁴.

²⁹ В Синодальном списке летописи выделяются две части. Первая излагает события до 1234 г. Вторая «охватывает содержание 1234–1330 гг. и скопирована около 1330 г., так как после этого следуют приписки разными почерками известий 1331–1333, 1337, 1345 и 1352 гг.» (Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. V). Таким образом, несомненно, что запись о Телебуге — это не поздняя вставка, а практически синхронный описываемым событиям текст, который вышел из-под пера современника.

³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 95–96. Л. 161; См. также: Там же. С. 337–338. Л. 197–197 об., С. 456. Л. 86–86 об.

³¹ См., например, родословные дворян Хлоповых (РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Глава 58. Л. 333 об., 338), Аничковых (Татищев В. Н. История Российская. Т. VI. М.; Л., 1965. С. 279; Савелов Л. М. Статьи по генеалогии и истории дворянства. СПб., 1898. Стб. 7; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М.; Л., 1951. С. 37–38. Прим. 2; Назаров В. Д., Баранов К. В., Маштафаров А. В., Рыков Ю. Д. Комментарии // Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV — начало XVII вв. Изд. подг. Т. Н. Алексинская, К. В. Баранов, А. В. Маштафаров, В. Д. Назаров, Ю. Д. Рыков / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 6. С. 429–433), Юшковых (РГАДА. Ф. 388. Московский Разрядно-Сенатский Архив. Опись 2. Кн. 120/871. Л. 109 об.) и др.

³² Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982) // Советская археология (Далее — СА). 1989. № 3. С. 91, 94; Коваль В. Ю. Керамика Востока в средневековой Москве // Российская археология. 1997. № 2. С. 104–122; Панова Т. Д. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // СА. 1988. № 2. С. 210; Она же. Археология мыса Боровицкого холма Москвы: стратиграфия и хронология // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. III: Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья» / Науч. ред. В. Л. Янин. М., 2000. С. 47, 48.

³³ Это известие в рукописи выделено кинovarью (ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. М., 1997. Стб. 529. Л. 251).

³⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 86.

Между тем, более подробно ход этого события раскрывает другой источник — Тарих-и-Шейх-Увейс («История Шейх-Увейса»). Ее автор неизвестен. В отличие от Шихаб-ад-Дина ибн Фазлаллаха цветастостью фраз он не грешил. Поэтому прямо, без каких-либо намеков, автор «Истории» сообщает о грязных методах, которыми воспользовался Узбек для восхождения на вершину власти. После смерти хана Тохты старший эмир Кадак решил «посадить на престол Ильбасмыша», третьего сына скончавшегося правителя Орды. Однако «Узбек, сын Туличи, в Хорезме сговорился с Кутлуг-Тимуром; под предлогом выражения своей скорби (о смерти) государя они отправились в орду, и в это время (аудиенции) Узбек вонзил нож в Ильбасмыша, а Кутлуг-Тимур ударил ножом Кадака, и они обоих убили. Царствование перешло к Узбеку, и он вступил на престол султанства»³⁵.

Анонимный продолжатель Рашид-ад-Дина (1247–1318), который, кстати, покровительствовал Шихаб-ад-дину Абдаллаху ибн Фазлаллаху, в начале XV в. скрасил обстоятельства захвата власти, показав Узбека в более выгодном свете. Согласно его версии, накануне смерти Тохта поставил «во главе своих войск племянника своего Узбека, сына Тогрылчи, сына Мунга-Тимура, отправился в сторону урусов». Однако на пути с ханом «приключилась беда, его одолела хворь, и в среду, 4 реби II 712 г. (=9.VIII.1312), он умер в пределах Сарая, среди реки Итиля, на корабле». Большинство эмиров и нойонов выступало за Ильбасмыша. «Эмир Сарая» (!) Кутлук-Тимур даже заявил: «Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (наш), а после того уже можно сделать царем сына Токтая». Ничего не подозревавший Узбек «покинул войско и прибыл в Сарай». Здесь его встретил Кутлук-Тимур и выдал всех заговорщиков. Причиной ненависти кочевой знати к Узбеку была настойчивость последнего в пропаганде и насаждении ислама. Как отмечает источник, «эмиры же отвечали ему на это: “Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясак) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?”». Однако царевич «настаивал на своем, они же, вследствие этого, чувствовали к нему вражду и отвращение и старались устранить его»³⁶. Таким образом, несомненно, что еще до смерти Тохты против Узбека сложилась весьма влиятельная группа знати, которая с помощью наследника хана Ильбасмыша настойчиво добивалась его отстранения от управления Ордой.

С этой группировкой и был тесно связан великий князь Михаил Ярославич. Один из его приближенных — белозерский князь Федор Михайлович, родственник Чингизидов, еще в 1302 г. женился на дочери Ильбасмыша³⁷. Он был сторонником и дальним родственником прежнего великого князя — Андрея Александровича Городецкого. В 1294 г. новый правитель Владимира женился на Василисе, младшей дочери Дмитрия Борисовича Ростовского³⁸. Через некоторое время троюродный брат молодой княгини — Федор Михайлович — получил из рук великого князя в кормление Псков (в 1299 г. после смерти Довмонта?), где «онъ едь хлебъ». Правление этого князя хорошо запомнилось местным жителям. В жалобной грамоте, посланной новгородцами в 1305 г. Михаилу Тверскому, они вспоминали, что, когда «пошла рать», Федор Михайлович «отъехалъ, городъ повьргя, а Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ; приехавъ въ село, Новгородскую волость пусту положиль, бранию нашу испродаль». Поэтому новгородцы

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Там же. С. 141.

³⁷ ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Стб. 528. Л. 251; Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV века // История и культура Ростовской земли: Сборник материалов научной конференции. 1999 г. Ростов, 2000. С. 115. Уникальность данной информации заключается не только в том, что данное сведение относится к одному из редко упоминаемых источниками белозерских князей. Антропологические исследования последних лет показывают, что монголы вплоть до конца XIV в. весьма редко шли на смешанные браки (Яблонский Л. Т. Физикоантропологический аспект формирования этносоциального организма знати (на примере Золотой Орды) // Элита и этнос Средневековья. С. 120–126).

³⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Стб. 527. Л. 250.

постановили, что новый великий князь не должен «кърмити его новгородскимъ хлебомъ, кърми его у себе; а на селехъ его куны ему даемъ»³⁹.

По данным анонимного продолжателя Рашид-ад-дина в это время Узбек, предупрежденный Кутлуг-Тимуром, не прибыл на пир, где враждебно настроенные эмиры и нойоны над ним задумали расправиться. Он «сел на коня, ускакал и, собрав войско, одержал верх». Узбек жестоко расправился со всеми недовольными: «Сына Токтая с 120 царевичами из урука Чингизханова он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость»⁴⁰. Таким образом, Узбек продолжил традицию массового террора, которую так долго культивировал его предок⁴¹. Для средневекового сознания кочевников это была в определенной степени вынужденная мера. Ведь «в утверждении необходимости единовластия: **хан, потомок Чингис-хана, — верховный правитель монголов может быть только один**»⁴².

На Руси данный ход событий не остался незамеченным. Некоторым князьям пришлось доказывать свою лояльность новой власти. Федор Белозерский, по-видимому, был вынужден развестись с первой женой. Спустя год (1314) он женился на дочери приближенного Михаила Ярославича — тверского боярина Дмитрия Жидимирича⁴³. Такие шатания белозерского князя, конечно, не были оставлены без внимания с московской стороны. По крайней мере, в годы великого княжения Юрия Даниловича (1318—1322) в Новгороде Великом наместничал другой сын князя Михаила Глебовича — Романчук⁴⁴. В 1339 г. в ранге правителя Белоозера он посещал Орду⁴⁵.

1314 г. был использован московским князем для активизации борьбы против Михаила Тверского. Прежде всего на его сторону перешел Новгород. Здесь появился посланец Юрия князь Федор Ржевский. Наместники великого князя были арестованы. Демонстрация военной силы Новгорода на Волге привела к тому, что князь Дмитрий Грозные очи был вынужден заключить «миръ». В эту осень его отца на Руси не было: «Михаилу князю тогда сущю въ Орде». Тем временем горожане, соблюдая все формальности, пригласили к себе Юрия «на всеи воли новгородской». Князь пробыл в городе до весны. Старания Михаила в ставке Узбека не были тщетны. Как отмечает летописец, «поиде князь великий Юрьи из Новгорода, позванъ въ Орду от цесаря, марта 15, в субботу Лазореву, оставивъ в Новгороде брата своего Афанасья»⁴⁶.

Между тем, из Орды на Русь вернулся Михаил Ярославич. Его сопровождали «**Татары, оканьнаго Таитемеря**». Используя ордынскую помощь, он жестоко расправился с отвергнувшим его власть Новгородом. Против князей Афанасия Даниловича и Федора Ржевского Михаил пришел «со всею Низовьскою землею и с Татараы к Торжку». В битве на поле под городом 10 февраля 1315 г. новгородская рать потерпела сокрушительное поражение⁴⁷. Власть великого князя

³⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев и др.; Под ред. С. Н. Валка. М.: Л., 1949. № 8. С. 18.

⁴⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 141; Ср.: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 537.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 34; Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1995. С. 232—233; Ср.: Владимирцов Б. Я. Чингис-хан // Чингис-хан / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб., 1998. С. 161—163, 190—192, 225—228; Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 83—219.

⁴² Скрынникова Т. Д. Идеи «Сокровенного сказания» о власти в летописях XVII века // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»: Сборник статей / Ред. кол.: В. М. Солнцев, Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторный и др. М., 1993. С. 161.

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Стб. 529. Л. 251—251 об.; Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV века. С. 115.

⁴⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 280.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 52. Л. 275 об.

⁴⁶ Там же. Т. III. С. 94. Л. 158—158 об.

⁴⁷ Там же. С. 94—95. Л. 159—160.

была восстановлена. В Новгороде вновь появились его наместники. Однако на сей раз они задержались ненадолго. В 1316 г. наместники были выведены из города. Теперь Михаилу уже без поддержки ордынцев пришлось совершить новый поход. Как известно, он закончился мором и серьезным голодом в его войсках. Очевидно, поводом к этой войне послужил отказ новгородцев платить огромную контрибуцию, наложенную на них после поражения под Торжком. Да и сам великий князь не спешил выполнять условия мира⁴⁸. Ситуация начала резко меняться только в связи с возвращением из Орды Юрия Московского. Вместе с князем на Русь приехала и его новая жена — Кончака (в крещении — Агафья), родная сестра хана Узбека⁴⁹.

Несомненно, что вместе с Кончакой должна была выехать значительная часть свиты из служивших ей ордынцев. Как отмечают исследователи, в средние века монгольская женщина «занимала положение, почти равное с мужчиной, и на верхах общества»⁵⁰. Так, например, в источниках хорошо запечатлены этапы интронизации нового правителя. Во время исполнения последних монголы на войлоке поднимали не только будущего великого каана, но и его жену⁵¹. В XIII в. ханские вдовы часто становились регентшами в период междуцарствия или при слабых правителях (например, Туракина, Огуль-Гаймыш, Боракина, Джиджек-хатун, Байлак-хатун и др.)⁵². По наблюдениям Н. Н. Крадина в «Юань-чао би-ши» (Тайной истории монголов) весьма подробно описывается личное хозяйство Чингис-хана вместе с «с женами и детьми, наложницами, кравчими, конюшими, овчарами, виночерпиями, дверниками (вратарями), поварами, гвардейцами-кешиктенами, многочисленной челядью и домашними рабами, обширным скарбом на телегах»⁵³. Не изменилось оно и во времена Узбека. Ибн-Баттута, описывая при встрече орду хана, отметил, что мимо него проезжали и «жены султана», причем «каждая из них со своими людьми отдельно»⁵⁴. Конечно, социальное положение людей, служивших у родственников Узбека, не было одинаковым. Между привилегированными кешиктенами и простыми дворцовыми домочадцами разница ощущалась вполне и в XIII, и в XIV в.⁵⁵ Конечно, не все из лиц первой группы были обязаны следовать за Кончакой на Русь. Однако даже небольшая ее толика могла серьезно пополнить «двор» Юрия Московского⁵⁶. Не стоит забывать, что авторитет князя серьезно поднимал в это время и ярлык на великое княжение. Среди новых и доверенных слуг его двора в 1317 г. мог оказаться и Телебуга.

Наш вывод о том, что в 1317 г. летописец называл не ордынца, а слугу великого князя Юрия, дополнительно основывается и на косвенных свидетельствах более поздних источников.

⁴⁸ Там же. С. 95. Л. 160–160 об.; Ср. Т. XV. Вып. 1. Стб. 36. Л. 265 об.

⁴⁹ «Великаа кнеини Юрьева Кончакъ, сестра царева, нареченная во святомъ крещении Агафия» (Там же. Т. XXIV. М., 2000. С. 108. Л. 152 об.; О судьбе Кончаки см.: Там же. Л. 152 об. — 153; Т. I. Вып. 3. Стб. 529. Л. 251 об.; Т. III. С. 96. Л. 161; Т. XV. Вып. 1. Стб. 36–38. Л. 265 об.— 266; Т. XVI. М., 2000. Стб. 61 и др.

⁵⁰ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 119; См. также: Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды: Ногай и его время. С. 2, 3. Жены ханов влияли на положение дел в Орде и позднее (См.: Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI веках // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г.: Памяти А. П. Новосельцева / Отв. ред. Т. М. Калинина. М., 2000. С. 213–221).

⁵¹ Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 110.

⁵² Вдовы покойных правителей различных частей Монгольской империи обладали настолько сильным авторитетом, что к их мнению прислушивались даже на курултае (Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 74).

⁵³ Крадин Н. Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // «Тайная история монголов»: Источниковедение, филология, история: Сборник статей / Отв. ред. Б. З. Базарова и П. Б. Коновалов. Новосибирск, 1995. С. 61.

⁵⁴ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 289.

⁵⁵ Бартольд В. В. Чингиз-хан // Чингиз-хан. С. 59–60; Владимирцов Б. Я. Чингиз-хан. С. 84–91, 138–145, 208–216; Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь; М., 1997. С. 120–122, 126–135, 139–140 и др.; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. И. Желозовцева, Л. А. Борзовковой, Н. Ц. Мункуева. М., 1980. С. 30–41; Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV вв. / Авториз. пер. П. Нихлая. М., 1983. С. 51–68; Кычанов Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica. С. 148–156; Он же. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 184, 187–199 и др.

⁵⁶ К такому же выводу пришел и А. Х. Халиков. Однако, не ссылаясь на источники, он ошибочно предполагает, что Кончака была дочерью Узбека (Халиков А. Х. Монголы, Татары, Золотая Орда и Болгария. С. 127).

Они отмечают службу в XV в. в Московском княжестве дворян Телебугиных. Возможно, упоминавшийся в 1318 г. Телебуга был их предком⁵⁷. Так, между 1440 и 1445 г. в купчей грамоте боярина Н. К. Добрынского на землю Кругловскую на реке Клязьме, в Московском уезде, среди послухов находился «Михайло Телебугин»⁵⁸. Ростовский соборный синодик имеет подробную роспись лиц «пострадавшим оу града оу Суздаля за веру христианскую». Летописец отмечает, что «се же зло случися надъ христианы июля 7 день въ среду» 1445 г.⁵⁹ В синодике среди убитых детей боярских великого князя был записан все тот же Михаил Телебугин⁶⁰.

Мячковы

Следующим видным служилым татаринном в Москве, если судить по сохранившимся данным источников, стал Алабуга. Он был связан с великим князем Иваном Добрым Калитой (1327–1340), младшим братом Юрия Даниловича. Летописи указывают, что после смерти своего соправителя — Александра Васильевича Суздальского — московский князь совершил в 1332 г. поездку в Орду к Узбеку, где «царь пожаловалъ и далъ ему княжение великое надо всею Русьскою землею, якоже и праотець его великий Всеволод Дмитрии Юрьевичъ; а *правиль княжение* ему *Албуга*»⁶¹. Это уникальное сообщение новгородского источника можно сопоставить с легендой об основателе рода Мячковых.

В родословной росписи, находящейся в составе Патриаршей редакции родословных книг рубежа XVI–XVII в., а также в редакции в 81 главу сообщается: «*Изъ Теврижскаго Государства былъ посоль на Москве у Великого Князя Дмитрия Ивановича Донскаго, а звали его Олбугою*, да крестился»⁶². С. Б. Веселовский оценил роспись Мячковых как «достоверное и довольно полное родословие»⁶³. Его точка зрения поддержана в современной историографии⁶⁴. М. Е. Бычкова относит цитируемый выше список родословца Патриаршей редакции ко второму изводу (70–80-е г. XVI в.). По сравнению с текстом первого извода (60-е г. XVI в.) в него были добавлены «росписи Вяземских, Нащокиных, Мосальских, Друцких, Совиных, *Мячковых*, Еропкиных, Старковых, Селеховских и Бибиковых для всех рукописей извода и Уваровых, Ржевских, Булгаковых, Зубовых для отдельных списков»⁶⁵.

⁵⁷ По крайней мере, другого рода Телебугиных в Северо-Восточной Руси в это время не было (Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 314).

⁵⁸ В акте М. Телебугин был упомянут после Ф. А. Белеутова и Ю. Головленка, но выше В. Панина, В. Ачкасова и А. Вырубова (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. № 167. С. 122). Все указанные выше лица входили в число слуг «двора» великого князя Василия Васильевича.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 194. Л. 401.

⁶⁰ Конев С. В. Синодикология. Часть II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. VI. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. С. 104. Л. 58 об. — 60.

В 1500 г. среди переселенных из Москвы в Новгородскую землю детей боярских в Вотской пятине на поместьях упоминается некий Епиш Толбугин. К сожалению, источники не указывают его отчества. Поэтому сложно установить, кем он приходился погибшему в 1445 г. в бою с казанскими татарами Михаилу Телебугину (Новгородские писцовые книги. Т. III: Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. 1-я половина. СПб., 1868. Стб. 156–157, 163, 169, 173, 174, 177–179, 223, 252, 273). Однако нельзя исключать и возможность того, что Епиш относился к роду волоцких и ростовских землевладельцев Толбузиных, писавшихся иногда в источниках как Толбугины. Впрочем, С. Б. Веселовский полагал, что эта фамилия «другого происхождения» (Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 319).

⁶¹ ПСРЛ. Т. III. С. 469. Л. 12 об.; См. также: Т. XVI. Стб. 312. Для сравнения можно отметить службу родоначальника фамилии Аминевых. В 1348 г. перед поездкой в Орду он был назначен вторым киличеем великого князя Семена Гордого. В 1362 г. «привезлъ Аминь отъ Мурута ярлыкъ на Москву на великое княжение» (Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 58. Л. 279 об., Стб. 73. Л. 290; См. также: Т. XXV. С. 177. Л. 236 об. — 237, под 6857 г.).

⁶² Родословная книга по трем спискам // Временник имп. МОИДР. 1851. Кн. X: Материалы. С. 199; См. также: РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Глава 74. Л. 385.

⁶³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 412.

⁶⁴ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 180.

⁶⁵ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 74.

В родословной Мячковых, помещенной в Разрядной редакции родословных книг 60-х гг. XVI в., имеется пояснение, что «татаринъ Ельбуга» был «теврискому царю сродникъ, и на Москве крестился». К сожалению, его крестильного имени она также не имеет⁶⁶. Подобную тенденцию можно наблюдать и в росписи Старковых⁶⁷. Имя предка Мячковых появляется в более поздних родословных документах, где отмечается, что Алабугу называли Ермолаем⁶⁸. Поскольку последняя информация сведениями из других источников не подтверждается, то она, по моему мнению, большого доверия вызывать не может.

За выезд на службу Алабуга, несомненно, получил земельные пожалования. Как установил С. Б. Веселовский, в Московском княжестве он владел на реке Москве при впадении в нее реки Пахры селами Верхнее и Нижнее Мячково, деревней Тяжина Каменная. Эти места знамениты своими каменоломнями. Кроме того, по-видимому, за ним было и село Мячково и сельцо Настасьино под Коломной. Это Мячково находилось всего в 7 км от Черкизова, принадлежавшего семье Старковых⁶⁹, потомкам боярина А. И. Серкиза.

На границе Московского и Дмитровского уездов в Мушкове около 1504 г. среди деревень Бориса Кутузова упоминается «Елбугино»⁷⁰. Возможно, ранее она также могла входить в число владений Алабуги. Впрочем, не исключено, что Елбугино обязано своим названием и другому лицу. В списке Ундольского и редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в Летописце князя И. Ф. Хворостинина среди «десять мужь гостей московских сурожанъ» упоминается Онтон Елбузин⁷¹. Сходство по имени, отчеству, времени и месту проживания могло бы дать основание для отождествления этого сурожанина и младшего сына Алабуги; тем более, что все это вписывается в родословную Мячковых. Однако ряд фактов заставляет нас отказаться от подобного тождества лиц. Во-первых, в Основной редакции памятника по Ермолаевскому списку, а также Киприановской редакции на месте Антона Елбузина стоит Семен Антонов⁷². При анализе разночтений А. А. Зимин отметил наличие списков «Сказания», где Антон носит и фамилию Верблюзин⁷³. Поэтому нет полной уверенности в том, что первоначально в памятнике имя читалось так, как это отмечено в списке Ундольского. Во-вторых, еще В. Е. Сыроечковский не без оснований видел в данном лице одного из предков известной купеческой фамилии XV – половины XVI в. Антоновых-Вепревых⁷⁴. Кроме того, Семен Антонов известен и по другим источникам. Этот видный и богатый купец, крупный вкладчик Троице-Сергиева монастыря, упоминается в третьей Пахомиевой редакции жития Сергия Радонежского⁷⁵. Обращение к тексту духовной грамоты 1534/35 г. гостя Ивана Михайлова сына Семенова-Антонова, начавшего свою деятельность еще при Иване III⁷⁶, возможно, свидетельствует о правильности чтения имени сурожанина именно по основной редакции «Сказания». По крайней мере, сравнение имен предков И. М. Антонова с именами потомков А. Алабугина показывает, что у последнего не было сына Семена. Он имел только сына Михаила и внука Ивана,

⁶⁶ РГАДА. Ф. 181. № 184/292. «Книга Архивская съ 1154-го по 1615 годъ. Древняя родословная рукописная книга». Глава 46. Л. 238.

⁶⁷ Родословная книга по трем спискам. С. 123.

⁶⁸ Р[уммель] В.[В.] Мячковы // Энциклопедический словарь. Т. XX: Московский Университет – Неясны. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1897. С. 390.

⁶⁹ ДДГ. № 57. С. 176, № 61. С. 194, 198, № 68. С. 222.

⁷⁰ Там же. № 95. С. 387. Л. 7.

⁷¹ Памятники Куликовского цикла / Глав. ред. Б. А. Рыбаков; Ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 157. Л. 366–366 об. (вариант Ундольского), 271. Л. 183 об. (редакция летописца кн. И. Ф. Хворостинина).

⁷² Там же. С. 234. Л. 299 об.; ПСРЛ. Т. XI. С. 54.

⁷³ Памятники Куликовского цикла. С. 209 (Комментарий).

⁷⁴ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане // Известия ГАИМК. Вып. 127. М.; Л., 1935. С. 90.

⁷⁵ Подробнее см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 425. Л. 114, 284–285 (Благодарю Бориса Николаевича Флорю за ценное указание на сообщение данного источника).

⁷⁶ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 186. Прим. 205.

деятельность которых явно не выходит за рамки XV в. Таким образом, версия о сурожском происхождении Мячковых вряд ли возможна.

Предположительно к первоначальному числу владений Алабуги можно было бы добавить и упоминающееся в актах середины XV—XVI в. село Олабузино. Оно располагалось в Городском стане Бежецкого Верха напротив р. Мологи⁷⁷. По наблюдениям Ю. Д. Рыкова, к этому селу в 1573/74 г. «тянули 57 деревень, 1 погост и 1 починок. 18 деревень и починок к тому времени запустели. Общая площадь этого комплекса составляла <...> ок. 3000 десятин пашенных угодий в трех полях, сенокосы давали ок. 2000 копен. Лесные угодья комплекса тянули на 10 верст»⁷⁸.

Высокая степень достоверности легенды Мячковых характерна для родословных легенд конца XV — первой половины XVI в. и других выездных боярских и дворянских фамилий (например, Бякотовых, Волинских и Квашниных). Как правило, данная погрешность не связана с местом, откуда произошел выезд. Конечно, при анализе подобного известия нельзя не учитывать такое субъективное обстоятельство, как «человеческий фактор». В случае с Мячковыми можно предполагать, что носителя информации о выезде, по-видимому, могла подвести фамильная «память». Она соединила выезды Алабуги на службу в Орду и Москву в единое целое. Впрочем, и такая трансформация родовой «памяти» предположительно может найти свое объяснение. Для человека конца XV — второй половины XVII в. древняя служба предка в Орде отходила на второй план. Главную и решающую роль в родовой легенде теперь занимало сообщение о его выезде на службу к великому князю.

Не может не вызывать интереса и сам регион, откуда первоначально прибыл Алабуга⁷⁹. Упоминание «**Теврижского государства**», конечно, ведет нас не в Ак Орду, а в Закавказье. Здесь в Иране находился город Тебриз — столица ильханов монгольской династии Хулагуидов (потомков младшего сына Чингис-хана — Толуя)⁸⁰. В 20-е гг. XIV в. из-за различных политических интриг в Орду из Ирана, где началась очередная усобица, через Хорезм к Узбеку отъехал ряд знатных лиц. Среди беглецов анонимный продолжатель Рашид-ад-дина выделяет старшего сына эмира Чупана (Чобана) — Хасана, который ранее управлял Хорасаном и

⁷⁷ АСЭИ. Т. I. № 146. С. 110; Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV — начало XVII вв. № 128. С. 305; Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 230. Более определенно о владельце села Олабузино в XIV в. пока сказать трудно. К сожалению, в данном случае топонимика не всегда может помочь. Так, например, в современном Приволжском районе Ивановской области на правом берегу р. Волги ниже города Плесо у деревни Пеньки есть *урочище Алабуга*. Вокруг него сохранился ряд археологических памятников мерянского и древнерусского населения — три курганных могильника. У самой д. Пеньки — городище Городок, а также шесть курганных могильников. Исследование этих памятников древности показывает, что они не выходят за рамки XIII в. (Археологическая карта России: Ивановская область / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1994. С. 135–141. № 203–211). Таким образом, причин для отождествления данного места с деятельностью татарина Алабуги, жившего в первой половине XIV в., пока вроде бы нет. Единственный топоним, вокруг которого в настоящее время найдены древности, датирующиеся XIV—XVII вв., — само городище Плесо (возникло в сер. XII в., впервые упомянуто в 1238 г.) и прилегающее к нему селище Плес-2. Два других синхронных селища и курганных могильника также не выходят за рамки XIII в. (Там же. С. 141–145. № 212–216). Прекращение их существования следует связывать с первым походом хана Батые на Северо-Восточную Русь в зиму 1237–1238 г. Аналогичная ситуация сложилась и на противоположном берегу р. Волги. В Заволжском районе практически отсутствуют (за единичным исключением, да и то вдали от Волги) памятники времени ордынского ига (Там же. С. 91–107. № 85–145). Однако в целом данная местность археологически изучена еще недостаточно. В Приволжском районе практически все изученные памятники находятся на берегу Волги.

⁷⁸ Назаров В. Д., Баранов К. В., Маштафаров А. В., Рыков Ю. Д. Комментарии // Акты Российского государства: Акты московских монастырей и соборов. С. 488 (Комментарий Ю. Д. Рыкова). Владения московских князей и бояр в волостях и селах Бежецкого Верха появились не позднее первой половины XIV в. Так, например, среди них упоминается село Кесьма, купля великого князя Ивана Калиты (Дворников А. С. Новгородско-московские отношения и Бежецкий Верх в XV веке / Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции). Вып. 9 / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород, 1995. С. 253–256.

⁷⁹ Точная привязка к местности в родословной легенде выгодно выделяет Мячковых среди других семей, выведивших себя от татар. Так, по наблюдениям М. Е. Бычковой, «наиболее слабо по отношению к конкретным географическим представлениям формулируются в легендах XVII в. выезды с Востока: как правило, это просто запись о выезде «из Орды» (Бычкова М. Е. Географические знания в России XVI—XVII вв. С. 21–22).

⁸⁰ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 62–63.

Мазандераном, а также его внука Тальша, сидевшего в Исфахане, Фарсе и Кермане. Произшедшее событие, по наблюдениям В. В. Бартольда, «привело в движение монгольские отряды по всей империи, от Малой Азии до Хорасана; после упорных боев восстание повсюду было подавлено, однако после наступившей вскоре за тем (13 раби II 736/30 ноября 1335 г.) смерти государя (ильхана Абу Са'ида — А. К.) державу нельзя было предохранить от распада»⁸¹. Между тем, Хасан и Тальш, поступив на службу к поволжскому хану, в это время участвовали его в походах на черкесов⁸². Очевидно, так же могли поступить и другие беглецы из Ирана. По-видимому, первоначально они еще надеялись вернуться на родину. Позднее приемнику хана Узбека на небольшой срок даже удалось потеснить Хулагуидов из Кавказа. Как отмечает В. Л. Егоров: «Борьба эта долго не приносила перевеса ни одной стороне, но во второй половине XIV в. Золотой Орде дважды удалось расширить свою территорию, завоевав Азербайджан и частично северный Иран. Впервые это произошло во время правления Джанибека в 1357 г. В результате удачного похода Золотая Орда присоединила к своим владениям Азербайджан и довольно обширную область южнее Куры с городами Ардебиль, Тебриз, Маранд. Однако вновь приобретенные земли оставались во власти сарайских ханов всего лишь около полугода, после чего граница вновь отодвинулась к Дербенту»⁸³. Следующая удачная военная операция поволжских ханов относится уже к эпохе Тохтамыша. Однако она уже довольно далеко отстает от времени жизни Ивана Калиты. Поэтому вряд ли события 80-х г. XIV в. имеют отношение к нашему герою.

Какой же теперь можно сделать вывод?

Прибытие Алабуги на службу в Москву из Тебриза через Орду, отмеченное родословными документами не позднее второй половины XVI в., — это не плод фантазии средневекового генеалога. Обращение к персидским источникам показывает, что родословная легенда определенно имеет историческую основу. Сохранение родовой «памяти» у Мячковых в конце XIV—XV в., по-видимому, было связано с особой кочевой традицией, вниманием монголов к своим предкам. Обычай последних, как хорошо известно, **требовали «из поколения в поколение передавать сведения о своем роде и возвращать семейные родословные ветви на общем родовом древе»**⁸⁴. Сравнение текстов росписи Мячковых, помещенной в Разрядной и Патриаршей редакции родословных книг, показывает, что они начинают сильно отличаться друг от друга при упоминании лиц, которые жили уже в конце XV — начале XVI в. (ср.: **Приложения № 1 и 2**). Поэтому можно предполагать, что общий протограф обеих росписей, а следовательно, и родословной легенды, должен был возникнуть не ранее данного отрезка времени. В целом это не противоречит датировке составления других генеалогических источников, например, древнейшего комплекса родословных документов середины XV — начала XVI в. Он сохранился в составе древнейшего списка Типографской летописи — Синодального⁸⁵. Оформление данного комплекса родословных документов относится, по крайней мере, к 1506—1507 г.⁸⁶

За XIV — начало XV в. источники очень скупы на известия о наследниках Алабуги. Поэтому С. Б. Веселовский даже вынужден был заметить: «О службе сыновей и внуков Олбуги из

⁸¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. С. 481.

⁸² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 143.

⁸³ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 55.

⁸⁴ Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании средневековых монголов // «Тайная история монголов». С. 27; См. также: Кычанов Е. И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. С. 184; Селезнев Ю. В. Родовой принцип формирования элиты Джучиева улуса (Золотой Орды) и его особенности // Восточная Европа в древности и Средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. С. 161—166 и др.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 227—234. Л. 319—340.

⁸⁶ Бычкова М. Е. Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI—XVII веков // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII века: VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» / Отв. ред. А. Н. Сахаров и П. Каталано. М., 1997. С. 268.

летописей и актовых источников ничего неизвестно. Ничего не говорят о них и родословные предания, вообще склонные преувеличивать заслуги родичей»⁸⁷. Однако, как мне представляется, с данным наблюдением исследователя можно поспорить.

Согласно родословцам Алабуга имел двух сыновей, Якова и Антона. Младший из братьев по росписи из родословной книги Разрядной редакции в списке начала XVII в. показан бездетным, но это неверно⁸⁸. Родословцы редакции в 81 главу и Патриаршей редакции отмечают у Антона сына Михаила и бездетного внука Ивана, который «не женатъ умеръ»⁸⁹. Старший из детей Якова имел сына Ивана. Он носил прозвище Мячко. Время его жизни С. Б. Веселовский определил последней четвертью XIV — первой четвертью XV в.⁹⁰ В одной из росписей Мячковых, составленной в конце XVI в., можно найти дополнительную информацию о И. Я. Мячке. Рукопись начала XVII в., в составе которой находится данный источник, определяется М. Е. Бычковой как Архивский X список второго извода Разрядной редакции родословных книг⁹¹. В нем отмечается, что сын Якова **Иван «быль на Володимери наместникъ»**⁹². Учитывая время деятельности его детей — Федора Большого и Федора Меньшого⁹³, можно предполагать, что И. Я. Мячко исполнял данную должность, скорее всего, в конце первой трети XV в.

Кроме двух сыновей, по-видимому, у И. Я. Мячка была дочь. Ее имя устанавливается из приписной грамоты к духовной 1461—1462 г. Василия II Темного. Согласно этому документу великий князь завещал своей жене права на «село Мячково и з деревнями в куплю». Они принадлежали с комплексом других сел «на реце на Москве» Анастасии, жене «Федорова Андреевича», и ее дочери, Арине «Олексееве жене Игнатъевича», до смерти⁹⁴.

В первом из упоминаемых в грамоте лиц следует видеть верного сторонника Василия II Темного — московского боярина Федора Лжа, старшего сына А. И. Серкиза⁹⁵, но не младшего сына последнего — Федора Старка, как ошибочно полагал С. Б. Веселовский⁹⁶. Ф. А. Старко, по-видимому, скончался ранее своего брата, ибо И. Ф. Старков начал свою деятельность в 1430-е г., когда Ф. А. Ложь († до 1449 г.) еще был боярином. Между тем, о боярстве Ф. А. Старка убедительных свидетельств в источниках нет. По-видимому, село Мячково Ф. А. Ложь получил в приданое за Анастасией. Как становится ясно из жалованной обельно-несудимой и заповедной грамоты князя Василия Ярославича Боровско-Серпуховского, после смерти боярина его жена Анастасия до 7 мая 1449 г. постриглась в монахини и получила имя Анна⁹⁷.

Вторым из отмеченных в документе лиц, несомненно, был боярин А. И. Жеребцов, второй сын московского боярина Игнатия Семеновича (из рода Андрея Александровича Кобылы). Отец

⁸⁷ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 415—416.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Глава 46. Л. 238.

⁸⁹ Там же. № 173/278. Глава 74. Л. 385; Родословная книга по трем спискам. С. 199.

⁹⁰ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 412.

⁹¹ Бычкова М. Е. Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI—XVII веков. С. 92—93.

⁹² РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Глава 46. Л. 238 об.

⁹³ См. о нем: Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 481—482.

⁹⁴ ДДГ. № 61. С. 198.

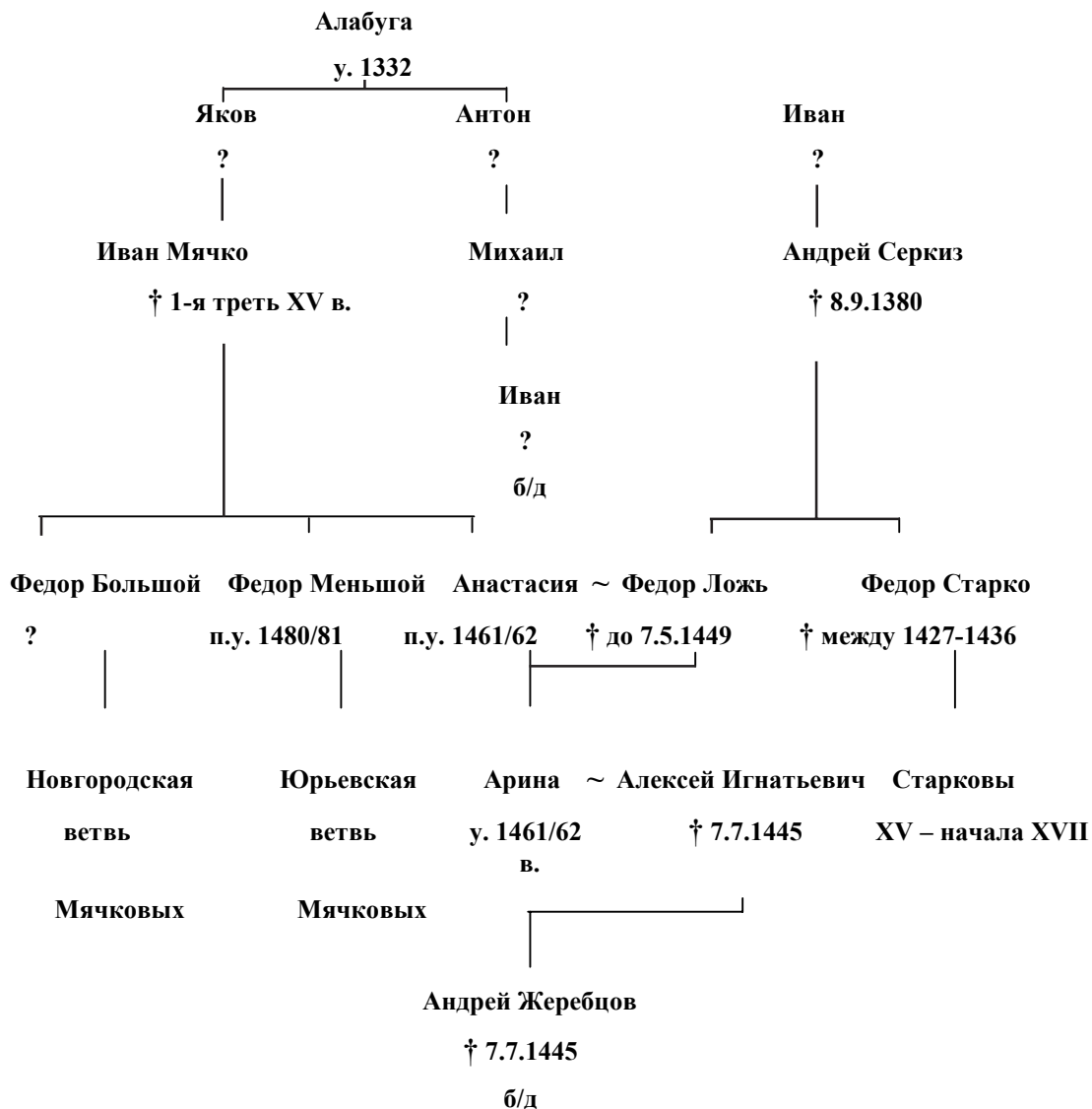
⁹⁵ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Родословная книга княжеских, боярских и дворянских родов. Л. 74; ПСРЛ. Т. XXV. С. 250. Л. 349 об. Несомненно именно Федору Андреевичу Лжу принадлежат подписи на двух жалованных грамотах Василия II Троице-Сергиеву и Спасо-Евфимьеву монастырю, датирующихся 1433/34 и около 1430-х г. (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 4. С. 346; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века. Т. II / Отв. ред. Л. В. Черепнин; Том сост. И. А. Голубцовым. М., 1958. № 439. С. 482).

⁹⁶ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 142. Прим. 9.

⁹⁷ С. М. Каштанов, не зная прозвища старшего сына боярина А. И. Серкиза, приводимого в росписи Старковых, помещенных в одном из родословцев Компильтивной редакции, вслед за С. Б. Веселовским полагает, что Анастасия (Анна) — жена боярина Ф. А. Старка (Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. № 3. С. 129). Если принять такое отождествление, то получается, что в первой половине XV в. в великокняжеской думе одновременно заседали отец и сын. Однако для данного времени это невозможно. Отсутствие в грамоте упоминаний о Иване Федоровиче Старкове также говорит в пользу того, что вдова была женой не Ф. А. Старка, а его старшего брата Ф. А. Лжа.

Алексея, будучи воеводой в Коломне, погиб 1 июня 1408 г. в сражении с ратью пронян и ордынцев на реке Смядве⁹⁸. Муж и сын Арины Федоровны Серкизовой — Алексей Игнатьевич⁹⁹ и Андрей Алексеевич¹⁰⁰ — были убиты в битве с казанскими татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем. Василий II по достоинству оценил службу этих верных людей, а также то, что их жены продали ему свои многочисленные вотчины. По-видимому, уже с середины XV в. в синодике Успенского собора Московского Кремля стала читаться «Феодору Андреевичу, нареченному въ мнишескомъ чину Феодосию, и зятю его Алексею Игнатьевичу, вечная память»¹⁰¹.

Приведенные выше сведения о родстве потомков Алабуги и их родственных связях можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

⁹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 237. Л. 331 об. – 332; Т. XV. Вып. 1. Стб. 480–481.

⁹⁹ Там же. Т. XXV. С. 262–263. Л. 366–366 об.; Редкие источники по истории России. Вып. 2 / Сост. М. Е. Бычкова. М., 1977. С. 150. Л. 125 об. – 126 и др.

¹⁰⁰ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1888. Ч. VI. С. 457–458; Конев С. В Синодикология. Ч. II. С. 103. Л. 57–58 об.; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 231. Л. 330; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Ростовская (Архивская) летопись. Л. 849 и др.

¹⁰¹ ДРВ. Ч. VI. С. 453.

Изучение состава землевладения И. Я. Мячка и его рода показывает, что под г. Гороховец, который, по мнению В. А. Кучкина, входил в состав Суздальского княжества¹⁰², уже в конце XIV в. находилась деревня, упоминающаяся чуть позднее как Мячкова. Недалеко от нее находилось Мячково озеро. Если мнение В. А. Кучкина верно, то возникает вопрос: нет ли в данном пожаловании отражения факта какого-то значительного участия Якова или Антона Алабугина в событиях 1392 г.¹⁰³ Однако ответить на него довольно сложно. Заметим лишь, что рядом с Мячковым под Гороховцем, как и в случае с Коломенским уездом, тогда же появились владения еще одной семьи, вышедшей, согласно родословной легенде XVI в., из Орды, — Старковых. По наблюдениям С. Б. Веселовского, они тянули к селу Старково. В первой половине XV в. гороховецкие вотчины Мячково и Старково перешли во владения Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря¹⁰⁴. Проверить достоверность информации о наместничестве И. Я. Мячка во Владимире на Клязьме в настоящий момент возможно только методом сравнения.

Летописцы, описывая в 1410 г. захват нижегородским князем Даниилом Борисовичем и ордынским царевичем Тальчем Владимира на Клязьме, отмечают, что в это время «**наместника** Юрья Васильевича Щеки не было же во граде»¹⁰⁵. Упомянутое выше лицо занимало довольно высокое положение при дворе великого князя Василия I Московского. Есть основания считать, что Ю. В. Щека был его боярином. В ростовском соборном синодике он записан именно в их числе: «Георгию Васильевичю Щоке, Игнатию Семеновичю Жеребцову, Василию Ивановичю Собакину... вечная память»¹⁰⁶. Этот человек жил еще долго. Около 1416—1417 г. великий князь посылал «своего боярина Юрья Васильевича да Тимофея Очкасова» в Переяславский уезд очищать Городецкие земли Чудова монастыря близ р. Шерны¹⁰⁷. В акте от 1425 г. дополнительно отмечается, что Юрий Васильевич еще производил здесь отвод земель¹⁰⁸. К сожалению, в обоих случаях документ не содержит прозвища этого лица. Поэтому, конечно, утвердительно говорить о том, что в данном случае был назван Ю. В. Щека, нельзя. Поскольку не стоит забывать о существовании в это же время на службе в Москве и Юрия Васильевича Хвостова. Несомненно, именно он в 1408 г. упоминается вторым воеводой во Ржеве¹⁰⁹. Однако позднее Ю. В. Хвостов источникам больше неизвестен. Между тем, Ю. В. Щеку, напротив, они знают. Где-то до конца 20-х или начала 30-х г. XV в. этот боярин, его сын Иван и жена последнего Фетинья распоряжались селом Присеки и рядом деревень на реке Мологе в Бежецком Верхе. Иван Юрьевич Аисин умер рано, а единственный наследник Ю. В. Щеки и Фетиньи — Дмитрий Иванович Каиса — был убит в сражении под Белевым 5 декабря 1437 г.¹¹⁰ По мнению С. М. Каштанова, погибший служил у младшего сына Юрия Звенигородского Дмитрия Красного. Позднее князь купил это село. Согласно традиции XVI в. в Троице-Сергиев монастырь на помин брата его завещал князь Дмитрий

¹⁰² Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1980. С. 36.

¹⁰³ Как известно, перед присоединением Нижегородского княжества к Москве великий князь Василий Дмитриевич совершил две важные поездки в Орду к хану Тохтамышу в 1390 и 1392 гг. (ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Стб. 537. Л. 258 об.; Т. XV. Вып. 1. Стб. 446 и др.).

¹⁰⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 413.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 139.

¹⁰⁶ Конев С. В. Синодология. С. 106. Л. 69 об. — 70.

¹⁰⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XV века / Отв. ред. Л. В. Черепнин; Том сост. И. А. Голубцовым. М., 1964. Т. III. № 31. С. 54.

¹⁰⁸ Там же. № 32. С. 55.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 154. Л. 316; Т. XXV. С. 237. Л. 332.

¹¹⁰ ДРВ. Ч. VI. С. 456; Севернорусский летописный свод 1472 года (Подг. текста и комм. Я. С. Лурье) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VII: Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. С. 325—326, под 6946 г. (сентябрьский стиль); ПСРЛ. Т. XXV. С. 260. Л. 363 об.; Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1957. С. 58—59. Л. 19 об. (сентябрьский стиль).

Шемяка¹¹¹. Таким образом, время жизни, характер службы и круг общения Ю. В. Щеки могут косвенно свидетельствовать в пользу того, что именно он упоминался в актах 1416–1417 и 1425 г.

Впрочем, для нас важно и другое. Это — социальный статус, который давал ему право занимать такую важную должность, как наместник великого князя во Владимире. Высокое служебное положение Ю. В. Щеки, конечно, свидетельствует и о достаточно высоком статусе И. Я. Мячки. На это в какой то мере указывает и обширная география владений его потомков. Напомним еще раз, что С. Б. Веселовский по данным грамот и топонимики выявил вотчины Мячковых в Московском, Коломенском, Переяславском, Юрьевском и Владимирском уездах¹¹².

Учитывая приведенные выше данные, а также сведения росписей Мячковых и Старковых из родословцев Разрядной и Компилятивной редакций, неизвестные С. Б. Веселовскому, можно поставить вопрос о пересмотре данной им характеристики рода Мячковых как второстепенного или третьестепенного¹¹³. По этой же причине придется не согласиться и с выводом А. А. Зимина, что Мячковы входили в число тех фамилий, которые «по разным причинам так и не смогли пробиться в Думу»¹¹⁴. По крайней мере, эту поправку необходимо сделать для второй половины XIV — первой трети XV в.

Дальнейшая история Мячковых подробно освещена в работе С. Б. Веселовского. Родословные материалы за вторую половину XV — середину XVI в. отмечают служебную деятельность отдельных представителей рода в уделах младших представителей великокняжеской семьи (см. **Приложения № 1 и 2**). То же самое в это время происходит и со Старковыми. Представители фамилий, выводивших свой род от знатных ордынцев, постепенно теряют свой высокий социальный статус. Возможно, это связано с его определенной девальвацией, ибо именно с середины XV в. на службу в Москву переходят уже целые тысячи татар. Во главе этих внушительных отрядов стояли не просто бывшие ордынские нойоны и мурзы, а потомки правившей династии Джучиева улуса — Чингизиды (такие, например, как Бердедат и Касим). Эти «царевичи», как отмечал Григорий Котошихин, даже в середине XVII в. своей «честью» были выше бояр: «А в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинились в подданстве после воинского времени, недавно, да и не обычай тому есть, также и опасение имеют от них всякое»¹¹⁵. Среди них, как отмечает П. Н. Черменский, во второй половине XV—XVII в. самыми значительными были правители Касимовского царства, далее следовали князья Енгальчевы, Кугушевы и др., рангом ниже — потомки ценских князей и мурз¹¹⁶.

Служба в «уделах» также могла стать одной из причин выбывания Мячковых из великокняжеской думы. Места для них здесь уже не нашлось, как, впрочем, и других не менее древних, а иногда и более знатных и древних по службе, чем Мячковы, русских фамилий (таких, например, как Аисины, Белеутовы, Копнины, Лыковы, Минины, Овцыны, Полевы, Сатины, Тропаревы, Хвостовы, Шонуровы и др.), хотя в составе «Государева двора» XVI в. эти фамилии в большинстве случаев еще можно найти.

¹¹¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 6. С. 348–351. А. С. Дворников без анализа сведений летописей пишет о московском происхождении Ю. В. Щеки лишь предположительно (Дворников А. С. Новгородско-московские отношения и Бежецкий Верх в XV веке. С. 259). М. С. Черкасова, напротив, говорит об этом уверенно, но, не учитывая сентябрьский стиль летоисчисления в источнике, ошибочно датирует смерть Д. И. Каисы 1438 г. (Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. М., 1996. С. 77).

¹¹² Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 412–415; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 180.

¹¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 412.

¹¹⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 252.

¹¹⁵ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публ., вводн. ст., комм. и словарь Г. А. Леонтьевой. М., 2000. Глава 2. Статья 12. С. 48.

¹¹⁶ Черменский П. Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 49.

Приложение № 1.

Глава 46. Род Мячковых.*¹

К великому князю Дмитрею Ивановичю Донѣскому приехал из Тевриз татарин Елѣбуга, теврискому царю сродник, и на Москве крестился.

А во крещении имя ему.

А у него дети: Яков да Онтон, бездетен.

А оу Якова сын Иван, а был на Володимери наместник.

А оу Ивана дети: Федор Большой да Федор же, прозвище Меньшой, а был у Ондreja у Вологоцького боярин и дворецкой.

А оу Федора у Большого дети: Григорей // да Федор.

А оу Григор[ь]я дети: Иван Долгой, поместье за ним было в Новегороде, да Степан, бездетен.

А оу Федора дети: Григорей да Федор.

А оу другою сына Иванова, у Федора, у Меньшово, которой был на Волоце у князя Ондreja боярин и дворецкой, дети у него Иван да Василей.

А оу Ивана сын Карп да Дмитрей, да Иван, да Данило, убит под Казанью.

А оу Карпа дети: Григорей да Офонасеи, да Иван. //

А оу Дмитрея дети: Федор да Сидор, да Полуехт.

А оу Ивана Иванова сына – сын Иван же, убит под Добрынью.

(РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 184/292. «Книга Архивская с 1154-го по 1615 год. Родословная Рукописная книга». Л. 238–239.)

Описание рукописи: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 334; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. X.; Буганов В. И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV – начала XVII века // Проблемы источниковедения. Т. VI. М., 1958. С. 195–196; Он же. Разрядные книги XVI–XVII в. как исторический источник. М., 1975. С. 93, 95, 97–98.

Упоминание родословной росписи и описание рукописи: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 93.)

Приложение № 2.

Род Мячковых*². Глава 74.

Из Теврискова Государства был посол на Москве у великого князя Дмитрея Ивановича Донскова, а звали его Елбугую, да крестися. И от него были два сына – Яков да Онтон.

А у Якова сын Иван Мячка.

А у Онтона сын Михаило. **А** у Михаила сын Иван, не женат умер.

А у Ивана у Мячки у Яковлева сына два сына, оба Федоры.

Меньшой был Федор Мячков козначей и дворецкой у великия княгини Марьи, великого князя Васил[ь]я Васильевича, да тот же Федор Мячков был в уделе у князя Ондreja Васил[ь]евича у Меньшова на Вологде дворецкой и боярин.

А у большова у Федора Мячкова два сына, оба Василии. **И** большой был бездетен. **А** у Меньшова Васил[ь]я два сына: Иван да Злоба. **А** у Ивана сын Федор. **А** у Злобы сын Тимофей.

*¹⁻² В тексте выделено кинovarью.

А у другова у Федора у Мячкова, у Меньшова, ktorои был на Вологъде дворецкои, дети: Василеи да Костянътин, да Иван. А у Васил[ъ]я у Мячкова было пять сынов: Иван, утонул на Оке реке, на Коломне, под Голутвиным, да Григореи, да Семен, да Федор, да Степан, бездетен.

А у Григор[ъ]я сын Семен, бездетен.

А у Семена Васильева сына дети: Иван да Володимер, да Петр, да Григореи.

А у Федора Васильева сына дети: Григореи да Федор, да Степан, испомещены в Великом Новегороде, в Шалонъскои пятине.

А у другова сына Федорова у Костенътина два сына: Корнило да Михаило, служил в уделе у княз Володимера Онъдреевича в Старице.

А у Корнила два сына: Замятня да Семейка.

А у Михаила сын Елизареи. А у трет[ъ]ева сына Федорова у Ивана четыре сына: Карп да Дмитриеи, да Иван, да Донило.

А у Карпа дети: Григореи да Офонасеи, да Федор, да Фирс.

А у Дмитрея Иванова сына — Федор да Сидор, да Полуехт.

А у трет[ъ]ева сына Иванова у Ивана сын Иван же, убит на Москве в царев приход 7079 (1571 — А. К.) году.

А четвертой сын Иванов Данило, бездетен, убит в Казани.

А у Ивана Иванова сына Мячкова // дети, ktorои убит на Москве в царев приход, сын Иван же.

А у Сидара дети: Богдан да Иванис.

(РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 173/278. Родословная книга 1664 года князя А. И. Лобанова-Ростовского. Л. 385—385 об.

Упоминание родословной росписи и описание рукописи: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. С. 60—63.)